

Для меня большая честь выступать на посвященной теме демократии конференции, среди участников которой Вацлав Гавел, Натан Щаранский, Гарри Каспаров и Александр Милинкевич – люди, которые стояли и до сих пор стоят на передовой борьбы с авторитаризмом и деспотизмом.

В конце холодной войны, несомненно увлеченный духом этого бурного времени, Фрэнсис Фукуяма утверждал в своем знаменитом эссе, что в итоге либеральная демократия одержит верх над авторитаризмом. Я разделяю его оптимизм, но тогда лишь немногие понимали, что поставить под сомнение одну нежизнеспособную идеологию еще не значит прийти к либеральной демократии. И автократы учатся. Сегодняшний мир – свидетельство тому, как хорошо они усваивают выученное.

После освобождения Восточной Европы от недемократичной коммунистической верховной власти мы как азбучную истину усвоили, что демократические страны не воюют друг с другом. Перед тем как подробнее раскрыть эту мысль, позвольте мне задать прямой вопрос, который не пришел мне в голову во время написания этой речи. Если правда, что демократические страны не идут друг на друга войной, то что же делает в большой восьмерке, в клубе, объединяющем крупные демократические промышленные государства, страна, угрожающая направить свои ядерные ракеты на Европу? Одно из двух – либо это утверждение ошибочно, либо большая восьмерка зиждется на чем-либо ином, чем общая приверженность демократическому государственному строю.

Оставив это в стороне, на основе опыта можно все же утверждать, что демократические страны не воюют друг с другом. Они даже не угрожают друг другу. По крайней мере, и по смыслу нынешней конференции, совершенно справедливо следующее утверждение противоположного вектора: отсутствие демократии – это предпосылка агрессивного поведения на международной арене. Разве Северная Корея, Иран, Ирак времен Саддама, Судан или какое-либо иное государство, где господствует деспотизм, стали бы воевать или грозить войной, если бы они управлялись демократически? Вряд ли. На этой конференции перед нами стоит вопрос: что мы, сообщество демократических государств, собираемся предпринять в этом направлении?

Принцип «демократические страны не воюют друг с другом» верен до тех пор, пока мы способны однозначно осознавать, какое государство является демократическим, а какое – нет. Для начала я бы отставил в сторону всевозможные переменные. Те, кто пережил

коммунистический режим, знают, что «народная демократия» не означает демократическое государство. Понятие «управляемой» демократии априори противоречиво, и, очевидно, по этой причине ревнители российского особого пути в прошлом году заменили его понятием «суверенная демократия», как будто без этого прилагательного на демократию каким-то образом можно повлиять извне. К этому понятию я позже еще вернусь.

В общем мы можем утверждать, что если слово «демократия» при описании порядка государственного правления нуждается в определении, то речь идет о чем-то, что демократией не является. Да, действительно, политические партии – социал-демократы, христианские демократы, либеральные демократы – используют определения, чтобы обозначить свои позиции по таким вопросам, как расходы на управление государством, социальная опека и т. д., но все это предполагает наличие функционирующей демократии. Эти обозначения дают представление о месте этих партий в политическом спектре, что уже предполагает существование этого спектра. (Разумеется, известно нам и то, что эти обозначения могут вводить в заблуждение. В России действует Либерально-демократическая партия Владимира Жириновского – может быть, я выражусь несколько нелицеприятно, но в последнее время в контексте российской политики скорее Жириновский вел себя разумно. Это можно рассматривать как признак того, в какой степени изменились обстоятельства в России.)

Ясно, что для вступления демократического государства в войну должна быть очень веская причина. Это вытекает уже из сущности демократии. Демократия означает не только свободные и честные выборы, но и свободу средств массовой информации, в том числе и электронных, передавать информацию о действиях властей и при необходимости критиковать их, свободу объединяться, свободу мирных демонстраций, а также наиболее существенное, без чего не существует демократического государства – применение принципов правового государства, в котором законы действуют одинаково для всех. Только все эти элементы вместе дают демократическим государствам нечто, отсутствующее у недемократических государств, – легитимность. Для стран, где эти условия не выполнены, война и агрессия связаны с меньшими политическими рисками. Поскольку войны несут с собой страдания и нищету, демократические правительства не так легкомысленно относятся к развязыванию войн. Так как при наличии свободной журналистики войны в основном не пользуются популярностью, развязывание войны таит в себе политический риск для правительства. Средства массовой информации и свободные и честные выборы держат правительства под усиленным вниманием и демократические правительства пытаются найти другие решения ситуации, если только нет непосредственной угрозы безопасности государства – будь то сила извне или, как в последнее время, террористы.

Но каковы связи демократии и безопасности в международном поведении в ситуации, когда до войны не так уж далеко? В период, начавшийся с концом холодной войны и закончившийся несколько лет назад, я полагал, что по крайней мере для Европы речь идет о любопытной теоретической проблеме, и несколько лет назад написал на эту тему эссе. Сейчас эта проблема уже вышла за рамки теории, в частности, в отношении Европы.

К сожалению, в определенных кругах и саму демократию стали рассматривать как угрозу, и в обстановке, когда, по мнению одного влиятельного недемократического государства, малые демократические государства благодаря своему демократическому государственному устройству представляют собой опасность или врагов, под угрозой находится европейская безопасность в целом.

На конференции по безопасности, состоявшейся год назад в Тбилиси, я вдруг понял, что у России плохие отношения со всеми ее соседями, когда-то входившими в Советский Союз, а теперь отвечающими вышеперечисленным стандартам демократии. В дополнение к этому можно утверждать, что Россия поддерживает хорошие отношения только с недемократическими соседними государствами, такими, как Белоруссия, деспотические режимы в Средней Азии, а также с военными диктатурами, законность которых весьма сомнительна: Приднестровье, Абхазия и Южная Осетия. О таком странном положении дел свидетельствует следующий факт: как только недемократические страны становятся демократическими, как это случилось с Грузией в ходе революции роз или с Украиной два с половиной года назад, их отношения с Россией быстро ухудшаются. Я считаю, что к Эстонии, Латвии и Литве относятся нетерпимо потому, что мы якобы сделали что-то неправильно. Теперь же я понимаю, что это случилось скорее потому, что мы что-то сделали правильно. В то же время заслуживает внимание и то, что у всех этих больших или малых государств – у Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Украины, Грузии – проблемы лишь с одной страной, Россией. При этом кажется, что сама Россия испытывает проблемы в отношениях со многими странами. Может быть, пора спросить, почему это так и почему это именно те страны, которые выбрали демократию.

Все чаще вспоминается мне Уинстон Смит, главный герой романа Джорджа Оруэлла «1984», который, как я думал, утратил свою актуальность. Однажды Смит на «уроке ненависти», посвященном Восточной Азии (или это была Океания) задумывается, не была ли Большим Врагом на прошлой неделе какая-то другая страна. Так и с отношением к демократическим государствам. Фаворит этого месяца – Эстония. Прошлой осенью главным врагом России была другая большая страна – Грузия. Тогда по приказу правительственных органов были составлены списки детей с грузинскими фамилиями, учившихся в московских школах. Многих грузин посадили в транспортные

самолеты и в ускоренном порядке отправили в Тбилиси. Теперь это все забыто. До этого врагом была Латвия, еще одна большая и угрожающая демократическая страна.

Парадокс – демократия на границах России считается угрозой, а ее отсутствие – стабильностью – предоставил мне обильную пищу для размышлений. Что же заставляет одну страну в XXI веке думать или вести себя таким образом?

Полагаю, что частично ответ на свой вопрос я нашел в книге, которую искренне рекомендую и вам: Роберт Каган «Опасная нация» („Dangerous Nation”). Еще несколько лет назад Каган написал другую провидческую книжечку «Власть и рай» („Power and Paradise”), ставшую известной благодаря утверждению, согласно которому европейцы родом с Венеры, а американцы – с Марса. «Опасная нация» дает обзор внешней политики США до конца XIX века. В 2007 году, пожалуй, это окажется понятным немногим, но среди прочего Каган анализирует сопротивление рабовладельческих штатов Америки присоединению к стране новых, западных штатов. Они противились тому, поскольку новые штаты, в которых было запрещено рабство, присоединились бы к Соединенным Штатам как свободные штаты, что в свою очередь означало бы запрет рабовладения.

Почему южные штаты боялись новых штатов, запретивших рабство? Им было страшно, что новички окажутся «плохим примером» равного обращения с чернокожими и что присоединение свободных штатов дестабилизирует их недемократическое общество, в котором разрешено рабовладение. Существующие свободные штаты могли остаться, но новых допускать не хотели. Вместо этого южные штаты оказывали давление, чтобы Соединенные Штаты приняли в свой состав рабовладельческие государства, входившие в Испанскую империю (здесь следует напомнить, что только те территории, на которых было запрещено рабство, могли войти в состав Соединенных Штатов на правах свободных штатов), продолжая тем самым узаконивать отсутствие демократии.

Знакомо? Пожалуй, да. Почему наш сосед уважает «старые демократии» – например, Францию, Германию или Финляндию – и не уважает «новые», например, Польшу, а в особенности Эстонию, Украину, Грузию? Почему он поддерживает диктаторскую Белоруссию или недемократические режимы в Средней Азии? Почему Россия пытается ослабить систему наблюдения за выборами ОБСЕ и Бюро демократических институтов и прав человека, неоднократно обнаруживавшую серьезные нарушения в тех бывших союзных республиках СССР, которые Россия считает своими союзниками?

Должно быть ясно, что наше существование и наши успехи опровергают утверждение, что демократия есть нечто чужое и чужеродное, что демократия – неподходящее решение для России, что свобода слова, прессы и объединений предназначены для кого-то другого, что эти явления исключительны, зиждутся на культуре и поэтому в конечном итоге неприемлемы. Наш успех свидетельствует о несостоятельности «управляемой» демократии. Пока мы прогрессируем, нас рассматривают как угрозу. По крайней мере, до тех пор, пока наш сосед останется привержен модели «управляемой демократии». В конце концов легитимности недемократического государства больше всего угрожает именно наличие противоположного примера, доказывающего, что и страны, бывшие когда-то под коммунистическим или советским гнетом, могут стать демократическими.

Вообще я предпочитаю не вмешиваться во внутренние дела других стран. Во второй половине XX века утратил свое значение насчитывающий 300 лет старинный вестфальский принцип, согласно которому права человека не являются исключительно внутренним делом национального государства. Понятие суверенности может подмениться, и сейчас уже нельзя молча проходить мимо таких вопросов, как, например, обращение государства со своими подданными. В то же время нам еще не удалось перенести на демократическую почву в более широком виде идею, согласно которой права человека не являются более внутренним делом государства.

При этом я все же опасаясь, что такой подход близорук, поскольку отсутствие демократии дает толчок нарушениям права человека. Но если и этого недостаточно, чтобы рассматривать отсутствие демократии как дипломатическую проблему, то, по крайней мере, пора понять, что отсутствие демократии начинает угрожать нашей безопасности. Как я отметил выше, Россия рассматривает демократические государства у своих границ как угрозу безопасности, и меры в отношении этой якобы угрозы безопасности являются частью российской политики в этой сфере. А это означает, что наше демократическое государственное устройство влияет и на нашу собственную безопасность, нравится нам это или нет. Это касается и институционального и многостороннего сотрудничества, где, как я уже упоминал, ОБСЕ подвергается нападкам в связи с наблюдением за выборами и дается оценка независимости и объективности, то есть легитимности, этой организации.

Я уверен: пора понять, что демократические государства нуждаются в защите. На самом деле, те из нас, кто входит в Европейский Союз и НАТО, теперь чувствуют себя смелее, по сравнению с тем временем, когда щит солидарности этих организаций не прикрывал нас. Но что станет с демократическими государствами, не входящими в эти организации, например, с Грузией, Украиной или Молдовой? Что произойдет, если каким-то чудом решится вступить на путь демократии еще более отдаленное государство, например, в

Средней Азии? Как мы сможем защитить их демократический выбор? Что мы сможем сделать для того, чтобы демократические государства, остающиеся за границей институциональной солидарности, чувствовали себя в своих демократических устремлениях столь же уверенно, как и государства-члены этих организаций?

Речь о членстве Грузии и Украины в Европейском Союзе не пойдет еще в течение десятка лет, причем по причинам, никак не связанным с самими этими странами. Вступление в НАТО – одна из возможностей, которую стоит взвесить, но что станет, если государство по какой-то причине не будет квалифицировано как член НАТО или если один из 26 членов НАТО просто скажет «нет», заботясь о своих внешнеполитических интересах? Мы должны всерьез задуматься, как упрочить наши достижения. Грустно констатировать, что мы более не говорим о распространении демократии, а лишь о ее защите, но, к сожалению, именно это необходимо в данный момент.

Учитывая все это, перед демократическими странами встает вопрос: что делать, как спросил однажды Ленин? Один из наиболее бессмысленных и интеллектуально пустых ответов, который мы слышали на протяжении всех тех лет, когда грубое поведение России по отношению к малым демократическим государствам вставало на повестку дня, звучал так: но мы же не можем игнорировать Россию! Как будто это единственная возможность среди многих подходов, наряду с примирением с ситуацией, уступкой или даже поиском компромисса. В перечень можно включить и основанную на твердых принципах селективную изоляцию: почему Россия, не являющаяся демократическим государством и даже не утруждающая себя выполнением своих членских обязанностей, по-прежнему может оставаться членом Совета Европы – важнейшей организации, объединяющей демократические страны Европы? Почему в состав Парламентской ассамблеи Совета Европы могут входить депутаты, избранные на выборах, которые не были ни свободными, ни честными? Почему государство, угрожающее своим соседям и обещающее нацелить ядерное оружие на Европу, продолжает оставаться членом «Большой восьмерки», объединяющей демократические индустриальные страны? По какой такой причине подобное поведение России никак не влияет на ее членство? На самом деле, почему это так, учитывая при этом, что членство в этих организациях означает свидетельство легитимности и признание режима, правомерное и демократичное поведение которого во внутригосударственном плане становится все более сомнительным?

Членство в таких легитимизирующих организациях, как Совет Европы или «Большая восьмерка», зависит скорее от критериев, установленных ими для своих членов, чем от повседневной политики. Вопрос влияния на демократические страны важнее вопроса, изолировать или нет. Здесь мы видим, что наше собственное желание заработать

быстрый доллар или легкое евро влияет на политику еще больше, чем принцип демократии и приверженность ему, права человека или принципы правопорядка. Все чаще вспоминается мне другое ленинское предложение о западных капиталистах: мы продадим им веревку, на которой они смогут повеситься.

Ясно, что нынешние шансы быстро и просто заработать прибыль, заключить непрозрачные соглашения о поставках природного газа (которые, помимо прочего, явно противоречат принципам соглашений Европейского Союза и гарантии изолированности), даже не говоря о прямой коррупции на невиданном со времен Второй мировой войны уровне государственной власти, существенно ограничивают наши возможности что-либо предпринять. Европейских граждан отравляют, европейские страны становятся объектом кибератак, энергопоставки в них приостанавливаются, у них кланчат или им всучивают взятки и вот теперь им угрожают ядерным оружием.

Как видно, благодаря своей жадности и наивности мы сегодня оказались в ситуации, когда наша безопасность зависит от политического выбора недемократической и спесивой нефтяной державы. Я верю, что мы придем к решению, по крайней мере, на уровне Европейского Союза. Становится все более ясно, что две цели, поставленных Европой: европейская интеграция и поиски компромисса с нечестно ведущей себя и исторгающей угрозы Россией – противоречат друг другу.

Для того чтобы Европа могла действовать как политическое единство, ей нужно конституционное соглашение. Оно содержит немудреный внешнеполитический инструмент – единую внешнюю политику и политику безопасности, в которой страны отказываются от требования единогласия и применяется требование квалифицированного большинства голосов. Это был бы значительный шаг в направлении формирования европейской политики, что неизбежно, если Европа желает помимо своего экономического влияния обрести столь же значительное политическое влияние. Но принцип квалифицированного большинства голосов, содержащийся в единой внешней политике и политике безопасности, получит поддержку всех государств-членов Европейского Союза только тогда, когда они убедятся, что никто не продаст их за газовую трубу или какой-то другой пряник, сулящий прибыльный пост покинувшему свою должность лидеру европейского государства.

Желанию создать воспринимаемую всерьез единую внешнюю политику противостоит Россия, которая в недавнем внешнеполитическом манифесте ясно заявляет, что предпочитает прямым взаимоотношениям с Европейским Союзом создание двусторонних связей и вместо эффективной внешней политики продолжает надеяться на разногласия

внутри Европы.

Для таких стран, как Эстония и другие, ставшие жертвой нападков России, будь то бойкот или иные нечестные приемы, создавшееся положение является мощным стимулом, чтобы еще сильнее интегрироваться в Европейский Союз. Разумеется, при условии, что Европа сохранит свою солидарность и что применение принципа квалифицированного большинства не позволит большим искать компромисс с Россией за счет малых и новых.

Отношения Европы и России можно перенести и в глобальный контекст на другие деспотические режимы. На память приходят сделки Европы с Саддамом Хусейном, и с грустью приходится констатировать, что зарабатывание долларов или заключение выгодного для государства договора и в лучших демократических странах зачастую перевешивает принципы. Мы, либеральные и демократические государства, должны понять, что каждый промах заключает в себе, в конечном итоге, угрозу нашей собственной безопасности.

Поэтому выбор за нами: останемся ли мы, демократические государства, верны своим принципам, достаточно ли мы доверяем друг другу, чтобы при принятии внешнеполитических решений пользоваться большинством голосов? Сформируем ли мы такую политику, которая будет защищать демократические завоевания в таких странах, как Грузия или Украина, которые не могут еще наслаждаться благами членства в НАТО или Европейском Союзе? Достанет ли нам смелости сказать, что отсутствие свободы журналистики, подавление мирных проявлений инакомыслия и отказ от свободных и честных выборов тоже имеют последствия? Или же продолжим в стиле первой половины текущего десятилетия, гонясь за личной или государственной выгодой, бросив остальную демократическую часть европейского общества на произвол судьбы? Этот выбор – наше решение – не сделает никто, кроме нас самих.